УДК 82-94

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-234-239

МОГУ ЛИ Я ЗАБЫТЬ ТАКОЕ?..

Донина Л. Н.*Санкт-Петербургский государственный университет**199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация*

Аннотация. В воспоминаниях о годах учёбы в аспирантуре автор рисует облик научного руководителя профессора Н. А. Кондрашова совсем с необычной стороны – как заботливого отца, строгого и мудрого наставника, заступника и даже спасителя. Факты биографии слависта дополнены редкими личными деталями общения, включены в контекст научных поисков и смены идеологических приоритетов в обществе. Фигура Н. А. Кондрашова показана с тонким лиризмом и благоговением перед его подвигом – учить людей не только науке, но и жизни. Во многих фрагментах повествования проступают неизвестные даже близкому кругу людей свойства характера и языковой личности удивительного педагога и филолога.

Ключевые слова: аспирантура, диссертация, лингвистика, идеология и наука, личность в истории, духовная культура, педагогический талант

CAN I FORGET THAT?

L. Donina*Saint-Petersburg State University**7-9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russian Federation*

Abstract. In the memoirs of the years of study in graduate school, the author draws the image of the supervisor Professor N. Kondrashov from an unusual side – as a caring father, strict and wise mentor, intercessor and even Savior. The facts of the biography of Slavist complemented by rare personal details of communication included in the context of scientific research and change of ideological priorities in society. The figure of N. Kondrashov is shown with subtle lyricism and reverence for his feat – to teach people not only science but also life. In many fragments of the narrative appear unknown even to a close circle of people properties of character and linguistic personality of the fantastic teacher and philologist.

Keywords: postgraduate study, dissertation, linguistics, ideology and science, personality in history, spiritual culture, pedagogical talent

Первая встреча, последняя встреча... Помню их до слова, до жеста, до взгляда. А между этими встречами – более десяти лет драгоценного общения, когда-то ежедневного, когда-то – редкого, но неизменно дарящего чувство защищённости, уверенности: с Николаем Андреевичем – как за каменной стеной. Он давал мощную поддержку. Это ощущение настоящей мужской надёжности шефа, полного доверия возникло уже при первой встрече с ним. Но началась она с цепящего страха.

Я с коллегой на каникулах повезла студентов в Ярославль на диалектологическую практику, остановилась в Москве на несколько часов для «разведки» – знакомства с Николаем Андреевичем. Он впустил меня в квартиру и, ни слова не говоря, долго (или мне так показалось?) смотрел на меня: сурово, без улыбки, из-под полуопущенных век, поднимая вверх подбородок. Я была уверена, что ему не нравится то, что он видит. Конечно, я пришла с вокзала, после двух суток в поезде, да и робела излишне: была наслышана о строгости и

о хлестких фразах Н.А. Кондрашова, которые передавались, как легенды, старшими коллегами, бывшими аспирантами кафедры русского языка МОПИ имени Н. К. Крупской.

Всё-таки я собралась с силами, прыгнула с высоченных каблучков, представилась. Он смилостивился, провёл меня в кабинет и неожиданно заговорил о моей красоте и молодости, а закончил вопросом:

– Зачем тебе в аспирантуру? Надо замуж!

Сейчас понимаю: он, что называется, проверял мою «мотивацию» или, может, «стрессоустойчивость». А тогда произнесла только, что замужем. Ему и это, казалось, не понравилось: тем более, какая аспирантура, надо рожать детей. Ответила, что у меня уже есть сын, чётко понимая, что надо было бы вместо этого немедленно сказать что-нибудь «умное». Он «дал третий шанс» убедить его в моей целеустремлённости и «мотивированности», спросил, ради чего же я собралась оставить ребёнка и ехать в очную аспирантуру. Я собиралась приехать с ребёнком (так и сделала) и призналась в этом. Тут он даже как-то растерялся. Сказать бы, что мечтаю внести вклад в лингвистику или хотя бы хочу стать кандидатом наук! Но я об этом и правда не думала, а просто хотела учиться. Он медленно обвёл взглядом уставленный книгами кабинет, остановился на открытом журнале, лежавшем на столе, чтение которого, видимо, прервал мой визит. Уже не грозно, а тихо сказал: «Вот и учись» – и передал его мне. Этот номер журнала я уже прочитала незадолго до поездки и хорошо помнила его содержание, но зачем-то указала в статье по исторической фонетике именно то место, в котором так и не разобралась: «Не понимаю, как из этих фактов последовало такое вот умозаключение». Сознавшись, таким образом, ещё и в глупости, я готова была быть отправленной «в Сибирь пешком по шпалам», но он сел рядом со мной на диван, взглянул на страницу.

Кажется, никто из нас, его аспирантов, не видел, как Николай Андреевич «читает». Он «листал» наши работы, на что не-

которые, знаю, обижались. Я много раз убеждалась, что он при таком «просмотривании» проницательно указывал то ценное, что можно было интересно развить (а остальное – «как всегда, в мусорную корзину»), и даже замечал и отчёркивал опечатки, стилистические огрехи («Свое читать противно, но надо!» – я повторяю его фразу своим ученикам).

Показанную статью Николай Андреевич просмотрел быстро и всё больше хмурясь. Чуть дольше, чем в журнал, он смотрел мне в глаза, а потом с каким-то мальчишеским озорством сказал, что логики я не увидела, потому что её там нет. Факты собраны из нескольких работ учёных одной школы, а выводы взяты из другой теории. Заговорил горячо и быстро, исчезли все театральные паузы.

– Историю языка надо знать обязательно, без этого нельзя понять никакое явление, – он чётко сформулировал мысль, с которой я искренне согласилась. У меня были хорошие учителя в родном вузе, а общение с Н. А. Кондрашовым и Г. А. Хабургаевым¹, с которым шеф меня вскоре познакомил, лишь укрепили во мне любовь к исторической лингвистике.

В тот вечер он говорил ещё о том, что нельзя рассматривать даже такую вот отдельную статью без связи с историей языкознания, без определения её места среди существующих теорий, имён, работ (желательно всех!). Его научный кругозор показался мне не имеющим пределов (и впечатление лишь усилилось с годами), это, видимо, и позволяло ему молниеносно понимать истоки и идеи любого текста (ср.: [4]). Николай Андреевич называл известные и незнакомые мне имена, поснимал с полки десяток книг, открывал их в нужном месте (а память у него была феноменальная!), раскладывал вокруг нас по всей комнате.

¹ Георгий Александрович Хабургаев (1931–1991) – доктор филологических наук, выпускник и преподаватель филологического факультета МОПИ имени Н. К. Крупской, а затем профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, специалист по палеославистике, истории русского языка и диалектологии.

Я едва не опоздала на поезд, хотела обо всём спросить за один раз и, конечно, забыла все свои страхи. Я поняла, что хочу к нему приехать, и знала точно, что делать дальше: он научил, как оформить соискательство, по каким книгам писать реферат, велел сдать заранее, коли уж приеду с ребёнком, кандидатские экзамены по философии и английскому языку. Предупредил о том, что в общежитие нас не поселят. (Я заблаговременно нашла жильё, внесла задаток, но квартира не освободилась, и Николай Андреевич каким-то образом добился, чтобы некоторое время нам разрешили пожить в общежитии на Челюскинской, которое как раз закрыли в том году).

Когда сдавала вступительный экзамен по русскому языку, с сыном в коридоре играл Лёша Коняшкин, аспирант этой же кафедры (спасибо ему!). Я всё время прислушивалась, а Н. А. Кондрашов выходил из аудитории, потом сердито и грозно смотрел на меня, и я понимала, что там всё в порядке. Строгим видом и острым жёстким словом меня уже нельзя было обмануть, я знала: мой шеф – лучший. Да, он был честным и принципиальным, называл своими именами и непорядочность, и глупость, и предательство, и многое другое (и имел на это право!), пользовался своим умением внушать страх и трепет, но правда в том, что это был добрый, мудрый, интеллигентный, надёжный человек. Настоящий!

Однажды я вместе с другими аспирантами получила урок того, как не надо писать научные работы. Коллега при нас попросила Николая Андреевича высказать мнение о прочитанном им фрагменте докторской диссертации, и он сказал: «Собрать надо! Написала – как одеваешься: из-под пятницы суббота..., чёрт-те что и сбоку бантик...». По интонации было понятно, что это была не критика, а анализ (бантик у коллеги на всегда «многослойном» наряде и правда в тот день был!), но не хотелось бы услышать такое о своей работе... В душе я тогда подумала: «Николай Андреевич – злой на язык, но... с добрым сердцем». И ведь как метко и точно он

высказал мысль! Немного погодя, после острых пословиц, профессор остыл и уже в спокойном тоне обсуждал с ней замечания по тексту. Только потом я поняла, что такие резкие слова мой учитель обращал чаще к близким себе по статусу, а не к бесправным аспирантам.

Про Николая Андреевича можно было бы сказать, что он «ради красного словца не пожалеет...». Он любил филологию, морщился от ошибок, знал несколько иностранных языков, аспирантов моего набора учил, например, чешскому. Это понятно любому лингвисту, но Николая Андреевича отличала любовь к острому, народному, как он называл, «кондовому» слову, которое кое-кого смущало и пугало. Он умело им распоряжался – кратко, точно, выразительно обозначал то, о чём можно было бы долго говорить «тактично». В этом случае – об индивидуальном научном стиле учёного.

Усомнилась я в Николае Андреевиче (и то по глупости) только один раз – и это было в последнюю нашу встречу. За неделю до неё я снова пришла к нему домой прямо с питерского поезда.

Прошло несколько лет после окончания аспирантуры, завершившейся предзащитой моей диссертации о языке Н. К. Крупской. П. А. Лекант и Н. А. Кондрашов предложили мне эту тему после какого-то важного собрания, где им указали на недоработку: институт, дескать, носит имя Крупской, приближается её юбилей, а работ о ней нет. О том, что согласилась, я не жалею: это было интересно, и я знаю теперь о той эпохе больше многих (воспользовалась гласностью и проникла в нужные архивы).

На предзащите кафедра решила, что диссертация готова, но надо во введении высказать «современное» (а дело было в январе 91 года!) отношение к Н. К. Крупской. Я подумала и через некоторое время написала Николаю Андреевичу, что не буду этого делать. Он согласился и предложил, используя имеющиеся материалы, написать работу о некоторых разрядах лексики (педагогической, общественно-политиче-

ской), а в скобках – на материале трудов Крупской.

Чуть позже стало понятно: это мало что изменит с учётом событий, стремительно менявших страну, – и он придумал третий вариант: о педагогической терминологии той эпохи в целом. В процессе работы я увлеклась наименованиями учителей и воспитателей, среди которых были неблаговзвучные «шкрабы», диковинные «фребелички-садовницы», и меня интересовали закономерности становления этой системы, её полная история, а не надоевший мне временной срез начала XX века. Собралось более 300 названий и пятсот страниц машинописного текста, представлявшего собой в основном эссе о каждом из названий, от самых древних до «перестроечных». Мне было важно мнение Николая Андреевича. Я надеялась, в случае его одобрения, написать на эту тему диссертацию [3]¹.

Николай Андреевич не скрывал своей радости от встречи, был оживлён, весел, расспрашивал обо всём и обо всех. Мы давно поняли, что не случайно празднуем день рождения с разницей в несколько часов. Он был в миллионы раз умнее, но мы были в чём-то похожи: любили одинаковые вещи, соглашались с мнением друг друга чаще, чем спорили, о людях ли говорили, или о книгах, или, особенно в последние годы, – о политике, например, о войне в Югославии, где воевали (и погибли) несколько моих друзей. Он знал то, о чём я только догадывалась, я внимательно прислушивалась к его словам, потому что они всегда потом подтверждались. Когда нет нужды производить на другого впечатление, общаться легко, и темы уже не имеют первостепенного значения – он рассказывал что-то смешное о Словакии, потом грустное о событиях на факультете.

На этот раз долго «листал» мои пятьсот страниц, видно было, что серьёзно думает о чём-то, наконец спросил, на какой срок я приехала. До моего поезда оставалось

несколько часов, но Николай Андреевич горячо убеждал меня остаться: нужно написать статью, притом срочно, потому что сборник уже подготовлен и его можно задержать лишь на несколько дней. Мне надо было на работу, у меня не было денег, но мало кто мог устоять перед натиском Н. А. Кондрашова, если он уже что-то решил.

Услышав моё «хорошо», он перешёл к следующему шагу, смысла которого я уж совсем тогда не поняла: велел назавтра отвезти текст Л. П. Рупосовой в Клязьму, сказал, что с ней договорится, пусть прочитает. Когда я привезла статью в назначенный день, он пригласил меня на заседание кафедры, не объяснив зачем, сказал только, что мне дадут возможность рассказать коротко о своей теме. Как ему удалось так быстро всё устроить, как я не догадалась, что на кафедре будет обсуждение моей работы!.. Лидия Петровна как оппонент сказала, конечно, что этот текст не является диссертацией, в нём нет описания «практической значимости», ни введения, ни заключения, ни словника, и много чего ещё, что должно быть в диссертации. Я собралась оправдываться, ведь и не начинала ещё оформлять текст как диссертацию, но Николай Андреевич потянул меня за руку вниз, как только я попыталась подняться – я и рта не успела открыть. Сказал сам, что это мы понимаем и исправим, и попросил высказаться по существу работы. Оказалось, что многие успели с ней ознакомиться, и кончилось всё тем, что решили представить работу в диссертационный совет через две недели.

После заседания мы вышли вместе на улицу. Н. А. Кондрашов крепко сжимал моё запястье, шёл быстро, буквально дотолкнул меня до метро, как будто боялся, что я сбегу, пропаду. Он всю дорогу молчал, привёз к себе домой и затолкнул в кабинет. И тут... остатки сил и самообладания меня покинули: я тихонько заплакала, а потом... учинила настоящий скандал, с истерикой, первый раз в жизни. С громкими рыданиями упрекала в том, что он меня не спросил и всё решает один, что я приехала

¹ Впоследствии её расширенный вариант вышел в виде книги «Педагогические профессии в отечественной традиции XI–XXI веков: Историко-лингвистический комментарий» [1].

посоветоваться, а он так меня подставляет. Даже кричала (!!!), что он знает и сам, что за две недели до совета я не успею сделать диссертацию, и никто бы не смог!..

Наступила пауза... Я забилась на своё привычное место в уголке дивана и редела, а он молчал и в недоумении стоял передо мной.

И тут меня «осенило»: он всё это устроил, потому что ему надоело столько лет со мной возиться, а теперь я, конечно, не успею и уж точно не буду больше ему надождать! Он подошёл вплотную, по-мужски, жёстко взял меня за подбородок, резко поднял к себе мокрое лицо... Что он чувствовал? И что мог сказать? В лучшем случае, если бы его всё это не рассердило, что-нибудь пошлое и банальное типа «Всё будет хорошо, успокойся». Или: «Я хотел как лучше»? «Постарайся и успеешь»?

Я слышу и сейчас его голос, неожиданные, тихие, удивлённые, какие-то детские слова: «А ведь ты, наверное, голодная!»

Он поднял меня, быстро-быстро увёл на кухню, посадил, и я, почти не осознавая, что происходит, зачарованно смотрела, как он, большой на маленькой кухне, всю её заполнив собой, включает чайник, отрезает толстый-претолстый кусок хлеба, ещё более толстый круг варёной колбасы. Что-то приговаривает, гладит по голове, суёт необъятный бутерброд мне в руку, заставляет пить очень крепкий и очень сладкий чай из пол-литровой кружки. И я всё это съела и выпила! Денег почти не было, и мне действительно нечего было есть эти несколько дней, но я ему не говорила и сама бы не догадалась о связи голода и отчаяния. А он понял и нашёл способ привести меня в чувство.

Вскоре мне действительно стало лучше, даже больше – хорошо.

Могу ли я забыть такое и не быть благодарной Николаю Андреевичу? Тех, кто проявлял по отношению ко мне подобную заботу и чуткость, на свете так немного...

У меня тогда не возникло никаких предчувствий, я не знала, что это наша последняя встреча, видно, слишком занята была своими переживаниями. Знал ли он?

Почему так торопил, заставляя пройти все формальности для защиты? Он никогда так не делал, никогда не давил на меня, никогда...

Уехала я с решимостью сделать всё возможное, а там будь что будет. О следующих двух неделях я даже не всё помню, но напечатала текст, по форме похожий на диссертацию, передала его с проводником. Ничего хорошего от этой затеи не ожидала, но продолжала интенсивно работать над диссертацией следующие месяцы, старалась её, как Николай Андреевич сказал бы, «собрать».

Через некоторое время пришло письмо от учёного секретаря совета Майи Фёдоровны Тузовой с датой защиты и именами оппонентов. Среди них было имя профессора МГУ В. Н. Прохоровой¹ – это был последний дар Николая Андреевича...

Когда я написала свою первую статью, которая ему понравилась [2], он сам повёл меня в редакцию журнала «Русская речь», а последнюю «аспирантскую» работу – диссертацию, уже без него я повезла В. Н. Прохоровой. Он выбрал оппонента, который стал для меня на многие годы родным человеком; по приглашению Валентины Николаевны и её мужа Левона Карапетовича (с его любимой присказкой «если кто понимает!») моя семья провела в их по-московски щедром доме много счастливых вечеров, с долгими, за полночь, душевными разговорами о самом важном.

...В назначенный день я приехала в Москву и, как всегда, прямо с вокзала пришла на кафедру. Все сидели за столом, меня тоже посадили. Был... девятый день со дня смерти Николая Андреевича, о которой я не знала. П. А. Лекант налил мне и сказал, что мне не сообщали, так как не были уверены, что я приеду, если узнаю. Председатель совета опасался, вдруг не соберётся кворум (был год 50-летия Победы – 1995-й, а защиту назначили на 11 мая, сразу после празд-

¹ Валентина Николаевна Прохорова (1923–2011) – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГУ имени М. В. Ломоносова, специалист по русской лексикологии и терминологии.

ников, в которых многие члены совета – ветераны – активно участвовали); предупредил, что кое-кто захочет «отыграться» на аспирантке Н. А. Кондрашова за былые обиды. А мне всё время казалось, что защиты вообще почему-нибудь не будет.

И вот мне предоставили слово, а я молчу, смотрю на пустой стул, на котором обычно сидел на советах Николай

Андреевич. Председатель всё громче шепчет мне: «Глубокоуважаемый председатель диссертационного совета!» Наверное, с третьей подсказки я повторяю за ним эти первые слова своего выступления.

Защита прошла успешно. Это был сороковой день...

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дони́на Л. Н. Педагогические профессии в отечественной традиции XI–XXI веков: Историко-лингвистический комментарий / вступ. ст. В.В. Колесова. СПб.: СПГУТД, 2010. 186 с.
2. Маляренко Л. Н. Кто такие фребелички-садовницы? // Русская речь. 1992. № 5. С. 118–122.
3. Маляренко Л. Н. Названия лиц педагогической профессии в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, 1995. 18 с.
4. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.

REFERENCES

1. Donina L. N. *Pedagogicheskie professii v otechestvennoi traditsii XI–XXI vekov: Istoriko-lingvisticheskii kommentarii* [The teaching professions in native traditions, 11–21 centuries: Historical and linguistic review]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design Publ., 2010. 186 p.
2. Malyarenko L. N. [Who are frebelichki-gardeners?]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech], 1992, no. 5, pp. 118–122.
3. Malyarenko L. N. *Nazvaniya lits pedagogicheskoi professii v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The names of the persons of the teaching profession in the Russian language: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical Institute Publ., 1995. 18 p.
4. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дони́на Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ldonina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liudmila N. Donina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language and its teaching methods, Saint-Petersburg State University; e-mail: ldonina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дони́на Л. Н. Могу ли я забыть такое?.. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 234–239.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-234-239

FOR CITATION

Donina L. N. Can I Forget That?. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 234–239.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-234-239